Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Иван Монигетти: «Возможности виолончели неисчерпаемы» | Ivan Monighetti : « Les possibilités du violoncelle sont sans limites ! »

Author: Ксения Ноговицына, Базель , 01.08.2018.

Играет Иван Монигетти (© D. Matvejevas)

3 августа отметит 70-летие Иван Андреевич Монигетти – известный российский музыкант, уже много лет живущий и работающий в Швейцарии. Поздравляем!

|

Ivan Monighetti, célèbre musicien russe, violoncelliste et chef d’orchestre, fête son 70ème anniversaire le 3 août. Aplaudissements!

Ivan Monighetti : « Les possibilités du violoncelle sont sans limites ! »

Последний ученик Мстислава Ростроповича в Московской консерватории, победитель нескольких международных конкурсов, в том числе Конкурса имени П. И. Чайковского, концертирующий виолончелист и дирижер, почетный доктор Краковской Музыкальной академии… Последние 28 лет этот, по оценке Кшиштофа Пендерецкого, «феноменальный виолончелист», которому посвящали свои произведения Альфред Шнитке, Кшиштоф Педерецкий, София Губайдулина, Валентин Сильвестров, – профессор Музыкальной академии Базеля. Среди его воспитанников – Соль Габетта и Киан Золтани. В 1999 году швейцарское телевидение выпустило документальный фильм об Иване Монигетти, а летом 2018-м здесь прошел фестиваль «Монигетти и друзья», в котором приняли участие многие яркие музыканты современности. Переезд Ивана Монигетти в Швейцарию в определенной степени можно считать возвращением.

Иван Андреевич, в «Википедии» можно найти информацию о нескольких Монигетти: помимо Вас, там фигурируют петербургский архитектор Ипполит Антонович Монигетти и Андрей Владимирович Монигетти — советский лингвист, автор русско-немецких словарей и разговорников. Правда ли, что фамилия Монигетти – итало-швейцарского происхождения, и Ваши корни идут из кантона Тичино?

По семейному преданию, два брата Монигетти действительно приехали в Россию из маленького городка Бьяска, что в итальянской части Швейцарии. Одна ветвь семьи обосновалась в Петербурге, другая – в Москве. Самый известный петербуржский Монигетти – Ипполит Антонович – был придворным архитектором двух русских императоров. В Третьяковской галерее можно увидеть его портрет кисти Брюллова. Московским Монигетти принадлежали модный магазин и книжная лавка на Петровке. Мой дед Владимир Иванович Монигетти учился вместе со Скрябиным, а две его сестры, Ольга Ивановна и Зинаида Ивановна, мои двоюродные бабушки, известны дружбой и длительной перепиской с композитором. Мой отец, Андрей Владимирович Монигетти, возглавлял кафедру немецкого языка в Институте военных переводчиков. Он скончался, когда мне было четыре года. По словам коллег и друзей, он был прекрасным педагогом и незаурядной личностью. Может, из-за «корней» мне особенно дорога запись Симфонии-концерта Прокофьева с Оркестром Итальянской Швейцарии, сделанная в Лугано, на родине моих швейцарских предков.

Кто пробудил в Вас ранний интерес к музыке?

Моя мама – специалист по фонетике немецкого языка – страстно любила музыку, играла на фортепиано. Мы не пропускали ни одного интересного концерта, и я очень рано познакомился с классическим репертуаром в самых лучших исполнениях.

Когда Вы начали заниматься на виолончели?

Мне было восемь лет, когда я поступил в Гнесинскую музыкальную школу. Благодаря маминым настойчивым поискам хорошего педагога, попал в класс Александра Кирилловича Федорченко, школьного учителя многих известных виолончелистов, в том числе, Натальи Шаховской и Александра Князева. У этого замечательного педагога я занимался вплоть до окончания десятилетки.

Какие впечатления повлияли на Ваше становление как музыканта?

Если говорить о ранних музыкальных впечатлениях, то это в первую очередь концерты великого русского пианиста Владимира Софроницкого, которого боготворила моя мама. Мне было всего лет 10-12, но я очень хорошо помню его феноменальные выступления в Музее Скрябина в Москве для узкого круга слушателей. Я запомнил и концерты молодого Ростроповича, и первые Конкурсы имени Чайковского в Москве, гастроли Театра греческой трагедии. К счастью, таких навсегда запавших в душу впечатлений было очень-очень много.

Вы были последним выпускником Мстислава Ростроповича в Московской Консерватории перед его отъездом из СССР…

Мне посчастливилось заниматься в классе Мстислава Леопольдовича в течение семи лет и участвовать в его последнем прощальном концерте в Москве. Он был гениальным педагогом. Это может показаться парадоксальным, но он не учил собственно «игре на виолончели», чему способствовало то, что он работал с исключительно талантливыми и технически подготовленными музыкантами: в его классе в мое время занимались Жаклин Дюпре, Наталья Гутман, Миша Майский, Давид Герингас… Виолончель была для него в первую очередь средством передачи больших идей, гипнотизирующих образов, глубоких состояний, инструментом воздействия на массы людей. Свой творческий метод он формулировал кратко и выразительно: «Исполнитель должен быть одновременно Ленским и трибуном», то есть поэтом и проповедником, своим искусством воспламенять людские сердца.

В своих воспоминаниях рок-музыкант и лингвист Александр Лерман пишет, что вы вместе организовали ансамбль Cellists и исполняли полузапрещенный тогда в СССР рок-н-ролл. Расскажете об этом?

В старших классах школы я увлекся джазом – освоил контрабас, импровизировал на рояле. Саша Лерман был на два класса моложе меня и обладал самыми разнообразными талантами. Он самостоятельно изучил дюжину иностранных языков, одну за другой выигрывал филологические олимпиады. Но, наверное, главной его страстью была рок-музыка. До сих пор помню его хрипловатый мальчишеский голос, самозабвенную манеру исполнения и безупречное английское произношение. Отчасти под влиянием Лермана я увлекся в то время «Битлз». Забавно, что все четверо участников нашего очень недолго просуществовавшего ансамбля были виолончелистами.

Как возник интерес к старинной, условно говоря, «доклассической» музыке?

Еще в школе моей любимой пластинкой была запись мадригалов Монтеверди в исполнении Пражских Мадригалистов, я мог слушать ее бесконечно. Тогда же я буквально влюбился в Бранденбургские Концерты и в «Музыкальное приношение» Баха, расписал по голосам партитуру Третьего Бранденбургского Концерта и играл

его со своими одноклассниками – просто так, для собственного удовольствия.

В консерваторские годы мы вместе с моей будущей женой – органисткой и музыковедом Татьяной Барановой организовали ансамбль старинной музыки, чтобы играть Букстехуде, Перселла, Куперена. Когда в Москве появился ансамбль «Мадригал» Андрея Волконского, мы не пропускали ни одного его концерта. Надо сказать, что князь Андрей Михайлович Волконский сыграл колоссальную роль в культурной жизни Москвы тех лет. Невзирая на идеологическое давление и вопреки общей ситуации, он сохранял поразительную творческую и духовную свободу и оказал ощутимое влияние на многих музыкантов моего поколения.

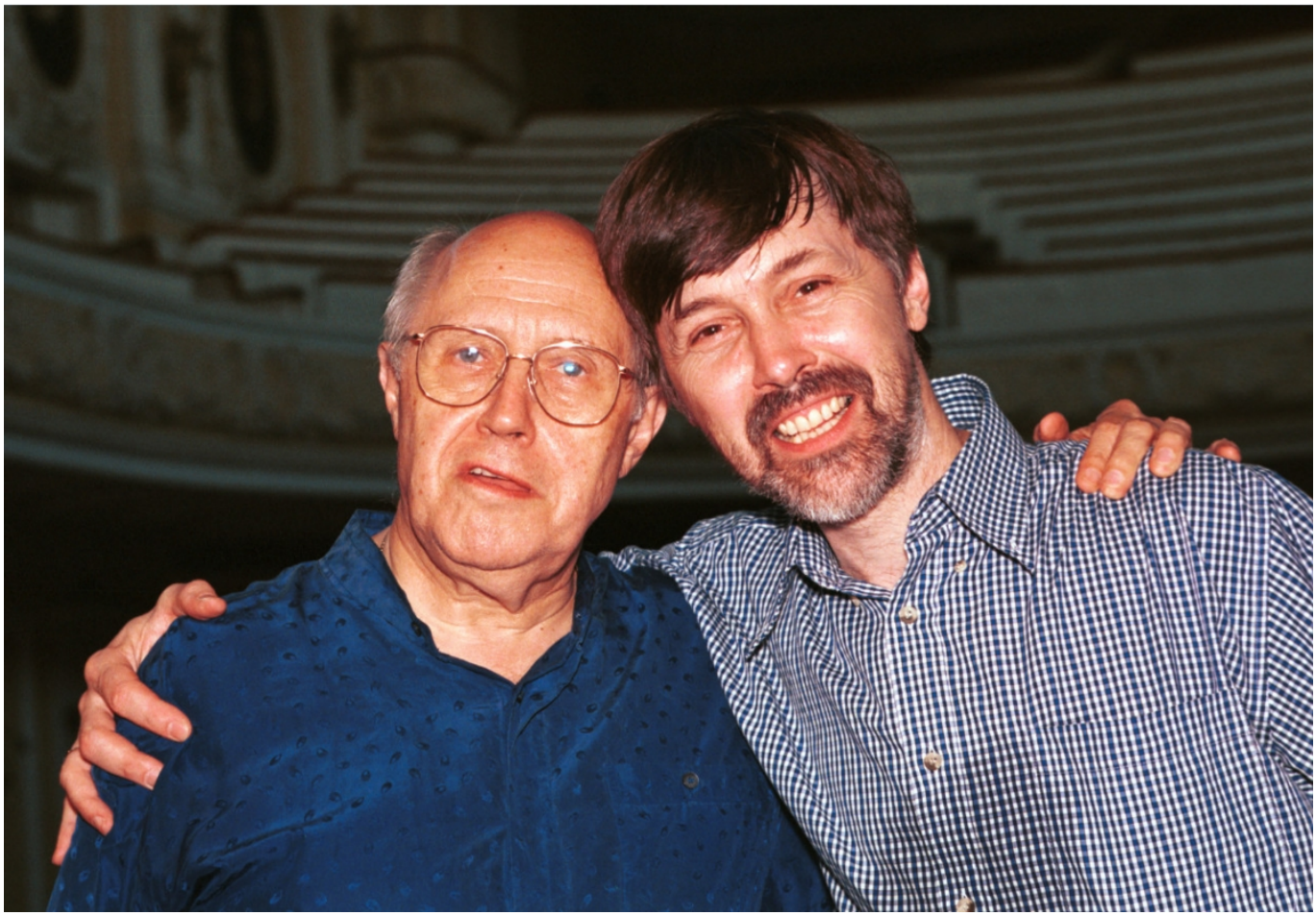
А в 70-е, благодаря московскому филофонисту Евгению Добрушкину, которому удалось собрать уникальную коллекцию аутентичных записей старинной музыки, в том числе Арнонкура и Леонхардта, я познакомился с этим важнейшим тогда направлением. Эти записи открывали новые горизонты, побуждали к размышлениям и экспериментам.

Вам посвящены произведения Губайдулиной, Сильвестрова и многих других современных композиторов. Как пришла в Вашу жизнь новая музыка?

Меня с ранних лет увлекала идея поиска «своего» репертуара. Первое исполнение нового произведения, возможность получить новое сочинение непосредственно из рук его создателя, сотрудничать с композиторами – все это было невероятно интересно и увлекательно. Творческое общение с Альфредом Шнитке, Кшиштофом Педерецким, Софией Губайдулиной, Валентином Сильвестровым дало мне невероятно много, обогатило новым исполнительским опытом.

Как Мстислав Ростропович относился к Вашему увлечению современной и старинной музыкой?

Ростропович, который сыграл невероятное количество новых произведений и инициировал их создание, всегда приветствовал творческие искания. В одном своем интервью он сказал, что «я иду его путём». Когда мы встретились в Париже спустя 15 лет после его отъезда из СССР, я показал ему свои записи, и он был рад тому, в каком направлении идут мои поиски. В 1998 году мы с полным взаимопониманием записали на компакт-диск (он – дирижер, я – солист) виолончельные Концерты Бориса Тищенко и Бориса Чайковского.



Иван Монигетти со своим педагогом Мстиславом Ростроповичем (из личного архива И. Монигетти)

В советское время долго были «невыездным», как почувствовали себя после переезда на Запад?

Я сразу получил профессуру в Базеле и попал в интересный, яркий коллектив, а через год начал преподавать еще и в Высшей Школе Королевы Софии в Мадриде. После многих лет полной зависимости от советского Госконцерта открылись новые горизонты и в концертной деятельности, я почувствовал, что музыкант – это гражданин мира.

Надо сказать, что, в отличие от некоторых моих коллег, я не стремился любой ценой уехать на Запад. Совершенно неожиданно мой друг, композитор Кшиштоф Мейер, профессор Кельнской Высшей школы музыки, сообщил мне, что в Базельской Академии после ухода Хайнриха Шиффа – выдающегося виолончелиста, дирижера и педагога – открывается вакансия и уговорил меня использовать эту возможность. Дальнейшее было похоже на сон. В мае 1990-го года мы с женой приехали в «славный город Базель» на пробное выступление и мастер-класс в Академии, а вечером того же дня мне предложили место профессора. Это был «перст судьбы».

В одном из интервью Вы упомянули, что в последние годы очень вырос уровень европейского виолончельного исполнительства в целом. С чем это связано, на Ваш взгляд?

Думаю, что здесь не обошлось без влияния таких выдающихся личностей, как

Мстислав Ростропович. Немалую роль в этом сыграли и русские профессора, в свое время эмигрировавшие из СССР или получившие возможность официально работать на Западе уже после перестройки. В разных европейских странах выросло несколько поколений музыкантов, которые учились у русских педагогов. Это радикально изменило общий музыкальный ландшафт.

Как Вы относитесь к швейцарской системе музыкального образования, она ведь во многом кажется антиподом отечественной?

Швейцарская система не направлена на то, чтобы с детства воспитывать музыкантов-профессионалов. Здесь нет специальных музыкальных школ для одаренных детей, и порой талант оказывается незамеченным и неразвитым. Все-таки раннее профессиональное обучение очень важно. Но если это настоящий, большой талант, то в западном обществе, где существует так много фондов поддержки молодых музыкантов и отдельных меценатов, он не пропадет: его заметят и помогут его развитию.

Как протекали занятия с такими учениками, как Соль Габетта или Киан Золтани, сделавшими большую сольную карьеру?

Счастливым образом оба попали ко мне в десятилетнем возрасте. Соль Габетту мама привезла в Мадрид из Аргентины, когда только открылась Высшая школа Королевы Софии. Там Соль училась четыре года, а потом вся семья переехала во французский городок Сан-Луи на швейцарской границе, и Соль продолжила обучение в моем базельском классе. Помимо невероятной природной музыкальности и чисто «виолончельного» таланта, она с первых уроков покорила меня своей целеустремленностью, недетской работоспособностью и умением полностью уходить в музыку. В творческой работе со столь одаренным ребенком особое значение приобретает всестороннее развитие личности, основанное на доверии и любви. Мы много разговаривали о музыке, вместе бывали на концертах, обсуждали фильмы, ходили на художественные выставки, выезжали на загородные прогулки. За 10 лет, проведенные в моем классе, Соль стала не только превосходной виолончелисткой, но и близким мне человеком, моей «музыкальной дочерью». Я счастлив, что наша дружба продолжается до сих пор и горд успехами Соль, которой сегодня по праву принадлежит одно из первых мест на музыкальном Олимпе.

Десятилетнего Киана Золтани ко мне в Базель на первый урок привез его отец. Незадолго до нашей встречи безвременно скончалась его мама, что, конечно, не могло не наложить отпечатка на душевное состояние мальчика. Неразговорчивый и сдержанный, маленький Киан производил впечатление замкнутого и не слишком общительного ребенка. Но это было только первое впечатление, он. оказался на редкость талантливым и сообразительным, на лету ловил замечания и тут же выполнял поставленную задачу. Отец Киана, присутствовавший на занятиях, был поражен тем, какие успехи делает его сын от урока к уроку. У Киана с детства проявился редкий и очень ценный талант – невероятная восприимчивость в сочетании с постоянным стремлением к совершенствованию. За 11 лет совместной работы мы прошли путь от первых прикосновений к инструменту до побед на крупных международных конкурсах и выступлений на больших концертных сценах.

Можете ли Вы сформулировать суть Вашего педагогического метода?

Любить музыку, любить свое дело и делиться этой любовью с учениками. Вместе открывать волшебный и безграничный мир музыки. Главное – зажечь ученика, привить ему эту бациллу любви, а овладение мастерством, проникновение в композиторский замысел, становление творческой индивидуальности каждый раз происходит очень по-разному. У меня нет готовых рецептов, с каждым учеником все начинается заново. Но всегда надо помнить, что воспитание музыканта неотделимо от формирования человека, его личности.

Вы совмещаете педагогику и исполнительство. Хотелось бы услышать о последних событиях Вашей концертной жизни.

Из событий этого года упомяну исполнение «Дон Кихота» Штрауса в Бильбао, Виктории и Сан Себастиане в сопровождении оркестра под управлением Андрея Борейко, мой проект «Cello night» с участием Соль Габетты, фестиваль Cellomania в Дрездене и Бергенский фестиваль в Норвегии, Базельский фестиваль Monighetti & Friends, на котором я выступил совместно с превосходным пианистом Клаудио Мартинесем, мы исполнили скрипичную Крейцерову сонату Бетховена, одно из моих любимейших произведений. К радости всех виолончелистов, ученик Бетховена Карл Черни сделал переложение этого гениального опуса для виолончели и фортепиано. Я записал Крейцерову Сонату на компакт-диск и часто включаю ее в свои программы.

На своем фестивале я выступал также в дуэтах с Мишей Майским и Соль Габеттой, а с Базельским Симфоническим оркестром исполнил Концерты Сен-Санса, Оффенбаха и Гульды. Что касается новой музыки, то на последнем виолончельном Биеннале в Амстердаме я сыграл мировую премьеру Концерта для виолончели голландца Роба Зуидама (Rob Zuidam).

В некоторых Ваших проектах последнего времени заметно стремление выйти за рамки традиционного жанра концерта. Они кажутся Вам слишком узкими?

Концерт классической музыки имеет издавна устоявшуюся, регламентированную форму, малейшее отклонение от которой очень остро воспринимается публикой. Меня всегда интересовала зрелищно-смысловая, визуальная сторона исполнительства. Отчасти под влиянием инструментального театра Маурисио Кагеля я стал экспериментировать с введением в концерт элементов театра. Это создает особую атмосферу, раскрепощает исполнителей и публику. Кульминацией этих поисков стал мой последний проект «Cello Night» со сквозным действием и отдельными сценами в духе инструментального театра. В апреле 2018 года он с огромным успехом прошел даже в таком «чопорном» зале, как KKL в Люцерне.

Поделитесь ближайшими планами?

Я буду продолжать преподавать в Базельской Академии по программе совершенствования исполнителей (School of Excellence) и в Мадриде, где я по-прежнему веду класс виолончели в Высшей школе королевы Софии. В Мадриде мне предстоит интересный проект – выступление в Королевском дворце на уникальной виолончели работы Страдивари из королевской коллекции. Инструмент этот нельзя выносить из дворца, так что я буду играть на нем в тронном зале. Как исполнителя, меня по-прежнему интересует и традиционный виолончельный репертуар, и поиск «забытых» шедевров прошлого, и новая музыка. Ведь возможности виолончели безграничны!

русские музыканты в Швейцарии
Академия музыки Базеля
виолончельная школа

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ivan-monigetti-vozmozhnosti-violonchel i-neischerpaemy